



Электронная библиотека
Гражданское общество в России

А. Шмелев

Поиск общего языка

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Shmelev_Tetr_52.pdf

Перепечатка с сайта Московской школы
политических исследований

<http://msps.ru>

URL: <http://www.civisbook.ru>

Поиск общего языка*

Говоря о поисках общего языка в контексте обсуждения проекта Гражданской энциклопедии, сведу свое выступление к нескольким тезисам и в вольной форме их проиллюстрирую.

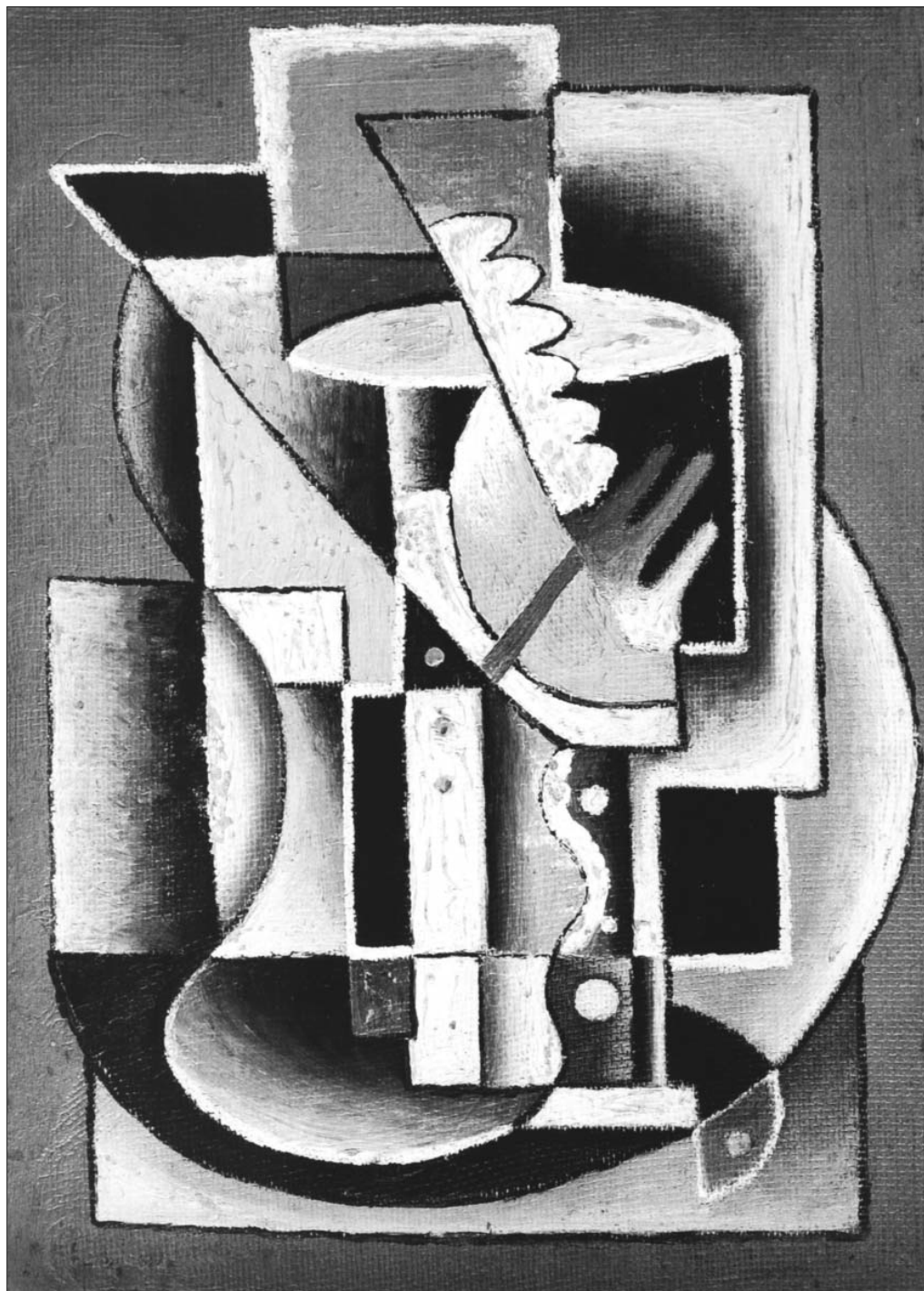
Начну с очевидного: чтобы достичь какого-либо взаимопонимания, необходимо располагать общим языком и использовать этот язык одинаковым образом. Это настолько очевидно, что в русском языке даже фразеологизм «найти общий язык» или «говорить на одном языке» и означает достичь взаимопонимания. В чем же тогда трудности достижения общего языка?

Современная лингвистическая семантика считает, что у языковых единиц есть скрытые компоненты значения. И они различаются даже у близких по значению слов, в разных языках, а также в речи разных носителей одного и того же языка. Сошлюсь в этой связи на практику международного суда в Гааге, где пользуются английским языком, в том числе и судьи, для которых он не является родным, но они им хорошо владеют. Выясняется, что те, кого допрашивают в международном суде или кто дает свидетельские показания, часто неправильно понимают то, что им говорится. Английский язык действительно сильно отличается от многих других языков, в частности, в отношении правовой терминологии. Так, два вполне бытовых английских слова «reasonable» и «fair», условно переводимых как «разумный» и «справедливый» или «очевидный», используются в англо-саксонском праве в качестве юридических терминов, а для континентального права это совершенно немыслимо, и многим юристам, даже хорошо знакомым с англо-саксонским правом, непонятно.



*Алексей Шмелев,
доктор филологических наук,
Институт русского языка
РАН*

* Начало см. в предыдущем номере: *Круглый стол: Язык гражданского общества. // Общая тетрадь, № 1 (51), 2010. — С. 25— 46.*



Серж Шаршун. Без названия. 1922

Про проблемы межкультурной коммуникации много чего написано, и лингвисты хорошо это знают. Меньше известно о возникающих внутри одного языка проблемах, которые могут быть связаны с тем, что язык изменяется. Участники круглого стола уже говорили о том, чем гордятся разные народы, американцы, русские и др. Замечу, что слова «гордый», «гордость», «гордиться» резко изменили значение в большинстве европейских языков в конце XIX — начале XX века. Скажем, когда одна из корреспонденток, желая сделать комплимент Антону Чехову, в своем письме к нему назвала его «гордым мастером», он был чрезвычайно обижен и написал в ответ, что горды только индюки. Позже новое словоупотребление вошло в обиход и стало, по крайней мере в советском языке, общепринятым. Об этом можно прочитать в книге Корнея Чуковского о Чехове, где говорится, что он требовал гордости от всех и воспитывал в себе человеческую гордость. Нечто похожее произошло и с английскими словами «proud» и «pride». Часто носители языка просто по-разному используют одни и те же слова, и хорошо, если они отдают себе в этом отчет.

В ходе обсуждения я дважды слышал сегодня слово «доверие»: в выступлении Бориса Дубина и раз в выступлении Андрея Юрова, когда он говорил об отсутствии доверия к академической науке. Не уверен, что слово «доверие» имеет одинаковое значение в обоих случаях, хотя бы потому, что существительное «доверие» и глагол «доверять» могут нести разную смысловую нагрузку. Скажем, человек может писать доверенность и начинать его словом «доверяю», но это не означает, что он испытывает какое-то особое доверие к тому, кому он что-то доверяет. Не совсем я понимаю и то, что означает «доверие» в социологических опросах, это отдельный вопрос к социологической методологии: задавались ли респондентам вопросы со словом «доверие» или глаголом «доверять» или это просто социологический термин, который позволяет обобщать данные, полученные косвенным способом? Как носитель языка я этого сразу не понимаю, попадая в пространство, где возникают неясные смыслы.

Теперь, в связи с проектом энциклопедии, — о важном для русской мифологической культуры представлении о Западе, как некой культурной общности. Для меня как лингвиста очевидно, что западные или европейские языки отличаются друг от друга, может быть, не меньше, чем русский язык отличается от каждого из них. Это относится, в частности, и к тем терминам, которые нас интересуют. Ну, скажем, французское *liberté* имеет два перевода на английский язык — *freedom* и *liberty*. Эти слова не соответствуют по значению ни друг другу, ни французскому слову «*liberté*». В русском языке, как известно, тоже есть два слова — «свобода» и «воля». Часто говорят, что свобода близка к европейским понятиям, а воля что-то специфически русское. Но и термин «свобода» является специфически русским словом. Не буду подробно останавливаться на том, как рождалось это понимание, безусловно, имеющее сегодня отношение к гражданскому обществу, в этимологическом смысле слова. Скажу лишь, что когда-то этим сло-

вом обозначались поселения, освобожденные от княжеских повинностей, — «слобода».

Итак, мы не можем ориентироваться просто на некоторое усредненное понимание европейских понятий, даже имея специальную культурную установку, что хорошо бы перенести на русскую почву европейские традиции и привычки.

Следующий тезис — о лингвистических особенностях, которые, на мой взгляд, вообще очень часто игнорируются или недостаточно принимаются во внимание в разного рода общественных институтах, проектах, исследованиях и т.д. Я имею в виду в данном случае наше отношение к демократии, когда люди употребляют слово «демократический», забывая еще об одном слове — «демократизм». Мы ведь знаем, что есть демократия как форма политического управления, а есть демократизм, например, как способ общения начальника со своими подчиненными. Конечно, это разные понятия, и когда мы используем повсюду слово «демократический», все расплывается.

Ключевым для Энциклопедии, на мой взгляд, является вопрос, задумана ли она как дескриптивный или прескриптивный проект? То есть предполагается ли описывать, как ключевые понятия реально употребляются в современном общественно значимом дискурсе или должно быть задано какое-то единственное их правильное понимание? Я считаю, что должно быть и то, и другое, не забывая при этом, что многие слова употребляются в зависимости от контекста настолько размыто, что могут обозначать даже противоположные понятия. Например, это относится к словам «либеральный», «либеральничать», «либерализм». И поскольку часто существуют разные контексты употребления одного слова, должна быть все же некая подсказка читателю Энциклопедии, как было бы желательно употреблять тот или иной термин, чтобы он не терял своего значения, учитывая при этом, что практика навязывания языку какого-либо употребления показывает, что этого, как правило, не удастся сделать.

Сошлюсь в этой связи, для примера, на императора Павла I, который изготавил список слов, запрещенных к употреблению, и среди них, между прочим, были слова «гражданин» и «гражданский», которые нас всех интересуют. Предписывалось заменить их либо на слово «мещанский», либо «купеческий», в зависимости от того, какое именно сословие имелось в виду. Поэтому «гражданин», считал государь, слово не нужное. Не говоря уже о людях дворянского звания, которых никто гражданами и не называл. Независимо от того, перевод ли это слова «citoyen» или «bourgeois» — третье сословие во французском понимании. Конечно, из этого ничего не вышло, как, впрочем, и с рядом других слов. В некоторых случаях как раз наоборот слова, подлежащие замене, вышли из употребления. Например, слово «отряд» Павел I хотел заменить на французское «détachement», однако «отряд» употребляется и сегодня, а détachement — нет. А в некоторых случаях, как, например, слово «стража» предписывалось заменить на слово «караул», тогда как в современном языке употребляется и то, и другое,

и, значит, они несколько разные. В советское время попытки воздействия на язык тоже, как известно, были, поэтому последний мой тезис будет связан с советским языком. Но прежде два слова о трудностях взаимопонимания, с которых я начал свое выступление.

Эти трудности усугубляются тем, что в современном русском обществе существуют по меньшей мере три традиции употребления общественно значимых слов. Одну можно условно назвать традицией, восходящей к XIX веку и к

предшествующим периодам. Вторая — советская традиция: многие слова употребляются в том смысле, каким они были наделены в советское время носителями языка.

И третья — копирование

западных терминов в том их значении, которое принято на Западе.

Расскажу о советском опыте воздействия на язык. Понятно, что в Советском Союзе множеству слов придавалась идеологическая окраска. То есть в зависимости от того, шла ли речь о «нас» или о «них» использовались разные языковые единицы. Скажем, невозможно было встретить в официальном языке такие конструкты, как «американский воин» или «судилище в СССР». А когда шла речь о так называемых странах третьего мира могли использоваться разные слова с разной окраской, все зависело от того, соответствовало ли это интересам Советского Союза. Приведу пример описания одной ситуации разными лингвистическими средствами: «Матерый политикан вступил в сговор с главарем бандитских шаяк» или «Опытный политик заключил соглашение с главой партизанских отрядов». Понятно, что сказать «главарь партизанских отрядов» было невозможно, если это были просоветски настроенные партизаны, например, в африканской стране.

И еще несколько примеров, но уже из известных словарей Ушакова и Ожегова, в качестве иллюстрации идеологической направленности советского языка. Обратимся к словам «космополит» и «космополитизм». Слова эти не общеупотребительные и поэтому в конце 40-х годов, когда они вошли в употребление во время идеологической кампании по борьбе с «космополитами», на их значение было легко воздействовать. Этот сдвиг значения и нашел отражение в словарях. В толковом словаре Ушакова, это конец 30-х годов, «космополит» толкуется так: «Человек, не считающий себя принадлежащим к какой бы то ни было национальности, признающий весь мир своим отечеством». Совершенно нейтральное толкование. А вот словарь Ожегова, причем я намеренно взял издание 1972 года, то есть более чем два десятилетия спустя после окончания борьбы с космополитизмом: «Космополитизм — реакционное буржуазно-политическое течение, которое под прикрытием лозунгов мирового государства и мирового гражданства отвергает право наций на самостоятельное существование и государст-

Мы не можем ориентироваться просто на некоторое усредненное понимание европейских понятий, даже имея специальную культурную установку

венную независимость, национальные традиции и национальную культуру». Длинное толкование, но видно насколько оно изменило подход к слову, так как идеологическое воздействие оказалось вполне успешным. И сегодня оба эти слова имеют скорее отрицательную окраску.

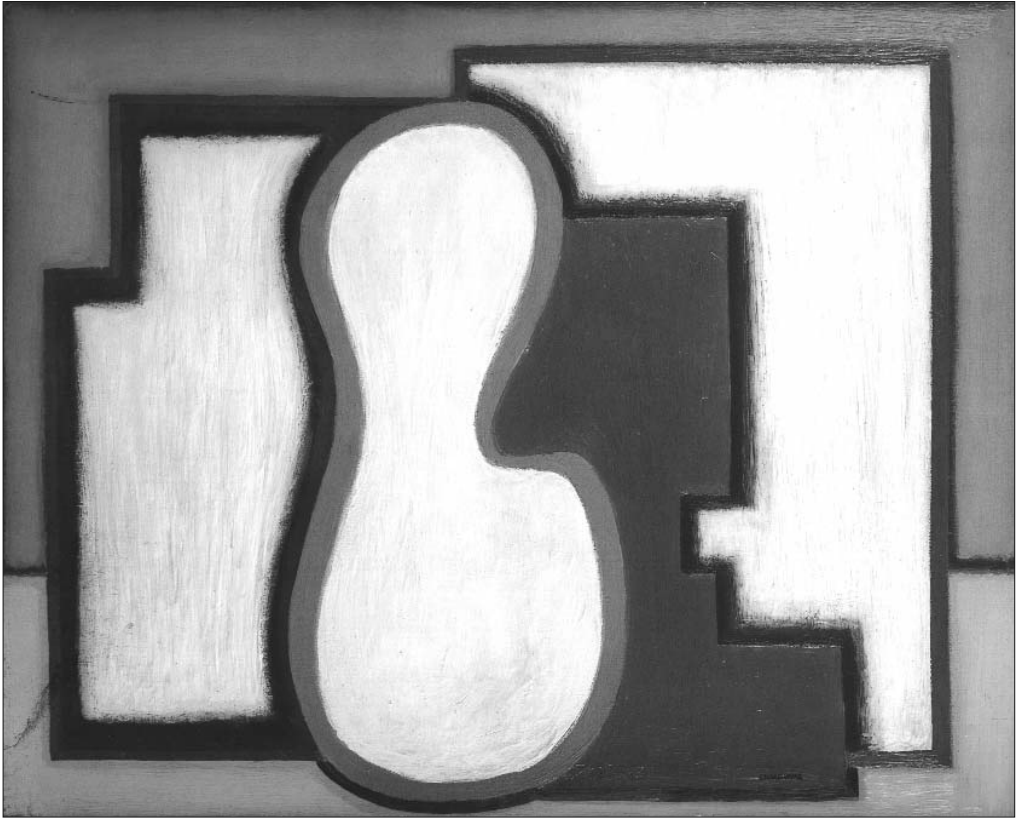
Или возьмем слово «донос». В сталинском Советском Союзе доносы всячески поощрялись и вменялись в обязанность, поскольку была уголовная статья за недоносительство. Между тем это слово приобрело ярко-отрицательную окраску еще в конце XIX века, и попытка внести в него нейтральный смысл, которая была предпринята в первом издании словаря под редакцией Ушакова, где говорилось, что это «тайное сообщение кому-нибудь, обладающему властью, о чьих-нибудь преступных действиях и замыслах», была признана идеологически невыдержанной. Уже во втором издании словаря понятие «донос» толковалось так: «Орудие борьбы буржуазно-черносотенной реакции против революционного движения; сообщение царскому или другому реакционному правительству о тайно готовящихся революционных выступлениях о деятельности революционных организаций или отдельных революционеров». Никому и в голову не должно было приходиться, что какие-то доносы могут быть в Советском Союзе, могли быть только «сигналы», которые человек направлял, считая это своим долгом, в соответствующую инстанцию. Однако очевидно, что отрицательный смысл слова «донос» сохраняется в языковом сознании общества и иное его содержание навязать языку едва ли удастся.

Елена Немировская:

— К сказанному Алексеем я бы еще добавила слово «оппозиция», которое пока, к сожалению, все еще продолжает восприниматься как нечто опасное.

Валентин Гефтер, директор Института прав человека:

— На мой взгляд, и доклад Алексея это подтверждает, ядром Энциклопедии должны быть общезначимые явления. То есть речь должна идти о каких-то узловых понятиях. Их не может быть триста, как в предварительном списке. Я понимаю, что это непростая задача — описать явления, которые волнуют не только нашу целевую аудиторию, на которую мы потенциально рассчитываем. И, конечно, как говорил Александр Согомонов, это не исключает обращения к гражданским практикам, к определенным референтным группам. Но главное все же корневые понятия. Иначе у нас может получиться нечто вроде словаря а-ля Ушаков или а-ля Ожегов. И еще. Мне кажется, заранее не стоит сужать понятие «плюрализм». Если создатели Энциклопедии считают, что у каждого понятия может быть несколько авторов, но с разными подходами к проблеме или общественному явлению, допустим, один государственный, а другой ультралибертарианский, то это будет более интересно. Компаративизм может быть разный — не только страновой, но и культурный, цивилизационный и т.д.



Серж Шарун. Предмет. 1928

Евгения Шамис, старший партнер Бюро тренинга и консалтинга «Personnel Touch»:

— Я согласна, что Энциклопедия может быть и прескриптивной, и дескриптивной, главное, чтобы она не была сложной. Иначе ее будет трудно читать. Помимо учителя и ученика, которого учат, есть ведь еще дети. И мне лично очень хочется видеть такую Гражданскую энциклопедию, которая и у детей пробуждала бы гражданские чувства. Потому что с ними тоже можно говорить о том, что такое гражданин.

Борис Дубин:

— Два слова в пояснение по поводу использования в наших соцопросах понятия «доверие». Мы задаем вопросы в разной форме, чаще всего с использованием глагола «доверять»: «Назовите 5–6 политиков, которым вы доверяете». Дальше перечень институтов и т.д. Наш социологический опыт, применительно к российскому населению, я описал бы так: доверие в данном случае означает передоверение. Поскольку человек, отвечая на предложенный ему вопрос и выражая свое мнение, скажем, о каком-то политике или институте, передоверяет фактически свою инициативу и считает это доверием. В европей-

ской же традиции, по крайней мере той, которую я знаю, немецкой, все выглядит иначе. В частности, известный немецкий социолог Никлас Луман, посвятивший несколько книг доверию, называет европейский феномен системным или функциональным доверием. Почему? Потому что, оценивая деятельность того или иного института, гражданин исходит из того, что поскольку он сам влиял на его формирование, институт будет продолжать работать так же хорошо, как он работал. Поэтому 70% германского населения доверяет полиции, а 70% российского — милиции не доверяет.

Второй момент связан со свободой. Свобода в российском околополитическом дискурсе, вообще говоря, близка к пониманию справедливости, позволяющей человеку (во всяком случае, он так думает) и его семье делать то, что они хотят, но чтобы их не доставали власти. При этом на власть и ее институты переносится идея о том, что они будут проявлять заботу о людях. Этот неписанный пакт о сотрудничестве и взаимном освобождении и воспринимается как свобода. Конечно, ни в каком иностранном словаре близких значений такого понимания свободы невозможно обнаружить. И третий момент. Эмиль Паин прав, что культура не препятствует языковым заимствованиям. Но для нас более важными, на мой взгляд, становятся сегодня переводы внутри языка, поскольку появилось несколько идеологически ориентированных языков, и разные люди, пользуясь словами «свобода», «гражданский», «справедливый», как правило, имеют в виду разные смыслы. А власть так устроена, что использует эти языковые ресурсы сообразно своим интересам и целям.

Алексей Шмелев:

— Конечно, я согласен, что нужен не только межъязыковой перевод, но и внутриязыковой, потому что коммуникативные провалы происходят не только при межъязыковой и межкультурной, но и при внутриязыковой коммуникации. И эти последние более существенны, потому что люди не отдают себе отчет в том, что они пользуются разными подъязыками одного языка. Например, для меня абсолютно ясно, что советский идеологический язык и язык церковной проповеди — это разные языки, хотя многим и сегодня кажется, что это одно и то же. И небольшой комментарий о свободе и справедливости. Слово «справедливость», которое звучало в выступлении Александра Согомонова, ссылавшегося на французского автора, является специфически русским понятием. Во французском языке, конечно, могло быть только «justice», связанное с правом. А у нас постоянно задается вопрос, что важнее — закон или справедливость? Если для французов justice — и то, и другое, то для большинства носителей русского языка это разные понятия. И то, и другое постоянно актуализируется в сознании носителей русского языка, и было бы неверно их игнорировать. Мне кажется, это путь неправильный, если в Энциклопедии будут отсутствовать ключевые для русского сознания понятия и при этом калькироваться иностранные.

Александр Согомонов:

— В коллекцию про слово «донос». 1942 год, Сергей Михалков пишет стихотворение, в котором есть такая фраза: «Для чего фашисту нос? Чтоб на всех строчить донос».

А теперь по поводу специфики русского понятия «справедливость», что якобы во Франции оно связано с правом. А что, в русском языке оно не связано? Та же по своему происхождению европейская калька. У меня такое ощущение, что после выступления Шмелева в зале возникло некое единение, связанное с тем, что надо иметь все же один язык. Нет, надо иметь разные языки! А иначе мы докатимся до того, что может появиться нечто похожее на цитатник Мао Цзэдуна. Задача Энциклопедии, как я ее понимаю, заключается в том, чтобы выразить гражданскую сферу русским языком, но это не значит, что мы должны отказываться от иностранных понятий.

Андрей Юров:

— Про доверие — недоверие. Разумеется, я имел в виду и говорил не про личное, а институциональное недоверие, и считаю, что наш разговор как раз о восстановлении такого доверия. Про то, способны ли мы в процессе работы над Энциклопедией найти общий язык? Появится ли такая группа, пусть это будет 20 или 30 человек, с установившимся доверием по поводу общего языка, которая готова этот язык предложить обществу?

Алексей Шмелев:

— Да, появится. Но вначале я хотел бы ответить Александру Согомонову. Мое рассуждение о поисках общего языка и о том, чтобы общение приводило на русской почве к взаимопониманию, вовсе не предполагает навязывание некоторого единого языка всем участникам коммуникации. Конечно, хорошо, чтобы существовали разные языки, но не менее важно, чтобы участники коммуникации, отдавали себе отчет в различии языков, которыми они пользуются, если хотят достичь взаимопонимания. А что касается этимологии слова «justice», то, безусловно, исторически оно связано со словом «право». Как, впрочем, и в русском, восточнославянском языке, в котором не было слова «закон», а было слово «правда», заимствованное из церковнославянского. А слово «справедливый», скорее всего, вошло в русский язык через польский, а не в результате его развития на русской почве. Но это не оказывает решающего воздействия на его функционирование в современном языке.

И по поводу того, что для успешной коммуникации надо доверять друг другу. Тут я бы хотел снова повторить, что слово «доверие» имеет разные смыслы, но показательно то, что без комментариев мы этого понять не можем. Другое дело, что мы всегда должны прибегать к некоторому рода обобщениям, но опять же — полезно отдавать себе в этом отчет.